

АРХИТЕКТОНИКА АКЦИДЕНЦИИ СРАВНЕНИЯ В РЕНЕССАНСНЫХ ОПИСАНИЯХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

*Работа представлена кафедрой французского языка
Белгородского государственного университета.*

В статье рассматриваются особенности эволюции принципов грамматического описания в период становления французской национальной лингвистической традиции в XVI в. На примере категории степеней сравнения показывается, каким образом в первых описаниях французского языка происходил пересмотр грамматического наследия античности. Обращается внимание на то, что при внешней неизменности основных положений традиционной грамматики содержание акциденции сравнения в текстах французских грамматик оказалось кардинальным образом переосмысленным. Показано, как, продолжая эволюционировать в рамках ренессансной грамматической традиции, рассматриваемая категория обрела новыми связями и отношениями, что отражало изменение принципов грамматического описания.

Ключевые слова: лингвистическая традиция, грамматические категории, степени сравнения, канон грамматического описания.

E. Mikhaylova

ARCHITECTONICS OF THE COMPARISON ACCIDENT IN THE RENAISSANCE DESCRIPTIONS OF THE FRENCH LANGUAGE

The paper deals with the evolution of the principles of grammatical description during the forming of the national linguistic tradition in the 16th century. The way the grammatical antique heritage was revised in the first descriptions of the French language is shown by the example of the grammatical categories of comparison degrees. It is stressed that in the first descriptions of the French language the contents of traditional grammatical principles were cardinally reconsidered, while their form remained unchanged. It is shown how the category and the sub-categories under study were getting new connections and relations while they were developing in the Renaissance grammatical tradition. As a result of that evolution, the principles of grammatical description were changed.

Key words: linguistic tradition, grammatical categories, degrees of comparison, canon of grammatical description.

В современных историко-лингвистических исследованиях не ослабевает интерес к изучению переломных периодов в развитии лингвистической мысли. В этом смысле ренессансная парадигма знания о языке, несомненно, занимает достойное место, поскольку именно в это время на базе греко-латинского канона закладывались и утверждались основы описания многих языков, что кардинально преобразовало константы традиционной грамматики и надолго определило пути развития европейской лингвистики. Среди национальных лингвистических

традиций, становление которых приходится на эпоху Возрождения, важное место по праву занимает французская национальная традиция, обогатившая систему знания о языке немалым числом интересных идей и нестандартных решений того, что принято называть «вечными» вопросами грамматики: учения о слове, о частях речи и их категориях (акциденциях). Анализ французских грамматик XVI в. показывает, что решение этих вопросов в то время было далеко не однозначным.

Ярким примером, показывающим многообразие путей в осмыслении нового для

европейской традиции языка – объекта грамматического описания, служит категория степеней сравнения прилагательных. В истории французской лингвистической мысли она является по-своему уникальным свидетельством кодификации динамического процесса, сопряженного с активной перестройкой системы степеней сравнения. Этот сложный и противоречивый процесс, выразившийся в переориентации форм степеней сравнения от синтетических к аналитическим средствам выражения грамматического значения, не преминул отразиться на качественных изменениях принципов описания канонической акциденции сравнения, заимствованной гуманистами у античных авторов.

Рассмотрим, каким образом во французских грамматиках XVI в. была решена проблема структурной организации акциденции сравнения, какие факторы обусловили деформацию канонической модели сравнения, в какой мере инновации в описании степеней сравнения отражали новые подходы к решению проблемы слова как ключевой проблемы грамматического анализа.

Исследование корпуса наиболее известных французских грамматик XVI в. дает основание говорить о том, что в рамках ренессансной традиции прослеживается особый тип кристаллизации идеи сравнения. В первую очередь обращает на себя внимание расплывчатость границ данной акциденции.

Нечеткость *внешних границ* акциденции сравнения в ренессансных грамматиках проявляется в следующем: сравнение трактуется, во-первых, как признак, присущий лишь классу имен прилагательных; во-вторых, как общеименная акциденция, обнаруживающая точки соприкосновения с другими категориями (*вид, уменьшительность, деривация, фигура*); в-третьих, как один из признаков не только всего класса имен, но и таких частей речи, как наречие и предлог. Тем самым в описании сравнения обнаруживается, с одной стороны, предельно узкое, с другой стороны, предельно широкое понимание категориального значения сравнения, что влечет за собой смещение как межкатегориальных, так и частеречных границ канона.

Сторонники первой точки зрения (Л. Мегре, Ж. Гарнье, А. Коши) основывались на утверждении Присциана о том, что формы сравнения присущи не всем именам, а тем, значение которых связано не с понятием субстанциональности, а с понятием качества [11, р. 56, 81; 1, с. 128]. Это положение одного из главных авторитетов древности получило во французской традиции свое дальнейшее развитие. Наиболее интересные наблюдения отражены в трактате Л. Мегре: в отличие от других авторов XVI в., рассматривавших сравнение как признак, присущий всему классу прилагательных, он попытался выделить из их числа такие «разновидности», которые действительно обладали способностью образовывать формы степеней сравнения. К ним он причислял прилагательные «качества и количества», «тела и души», а также неких «внешних проявлений» [14, р. 30]. В то же время он пытался выявить группу прилагательных, неспособных к образованию степеней сравнения. Этот список в его работе открывают прилагательные *supérieur, inférieur*, высокая степень качества которых выражена их собственным значением. В дальнейшем список прилагательных этого типа дополнили П. де ла Раме (1572) и Ж. Массе (1606).

Воззрения Ж. Гарнье и А. Коши на акциденцию сравнения интересны тем, что оба грамматиста, связывая средства выражения грамматического значения категории сравнения лишь с суффиксальным словообразованием, пришли к выводу о том, что сравнения как такового во французском языке нет [9, р. 8; 5, р. 32]. Впрочем, это не помешало им достаточно полно описать различные способы образования форм степеней сравнения, типичных для французского узуса того времени.

Сторонники второй точки зрения, согласно которой сравнение рассматривалось как общеименная акциденция, были преимущественно авторами педагогических и сопоставительных грамматик (Ж. Дюбуа, Ж. Боске, Г. Мерье и др.). Трактовать сравнение как общеименный признак вынуждал их авторитет Доната и сложившаяся благодаря трудам его подражателей и последователей традиция школьных грамматик. Сохранению канонической трактовки сравнения способствовала

и такая особенность узуса, как использование наречий интенсивности с именами существительными. По свидетельству Ж. Гугнейма, такие словосочетания, как *au plus matin, si femme de bien, plus homme, etc.*, широко представлены в произведениях виднейших авторов эпохи – у Маргариты Наваррской, Ф. Рабле, П. Ронсара и др. [10, p. 62]. Это своеобразие французского узуса одним из немногих подметил Л. Мегре, наблюдения которого проиллюстрированы следующим примером: *un homme soit plus homme qu'un autre* [14, p. 30].

Следствием осмысления нового для ренессансной традиции языка – объекта грамматического описания и осознание гуманистами принципиального различия между разноструктурными языками (латинским и французским) стала своеобразная размытость категориального значения, стоявшего за акциденцией сравнения. Заложённая ещё в античной традиции закономерность в трактовке степеней сравнения, согласно которой позитив выступал в качестве исходной формы для объяснения механизма образования компаратива и суперлатива, рассматривавшихся, согласно канону, как производные, предоставляла гуманистам возможность для того, чтобы находить точки соприкосновения между акциденцией *сравнения* и акциденциями *вида* и *деривации*. Наличие же во французском языке аналитических форм степеней сравнения давало отдельным авторам основание для того, чтобы трактовать их как одну из разновидностей словосложения – основного признака акциденции *фигуры*. Кроме того, отождествление сравнения с понятием «увеличения или уменьшения признака», бытовавшим в работах XVI в. в качестве одной из формул грамматического описания, позволяло причислить к формам компаратива словообразовательные модели существительных со значением уменьшительности, в результате чего грамматическое описание имени пополнилось суперкатегорией «*сравнение-уменьшительность*», которая получила отражение в грамматиках Р. Этьена, Ш. Мопя. Такие неоднозначные решения в определенной мере были обусловлены богатой предшествующей традицией, которую гуманисты

знали достаточно хорошо. Так, у александрийцев сравнение принято было рассматривать как одну из разновидностей имени в рамках категории *вида*; Варрон трактовал сравнение как своеобразное проявление *склонения*, а Квинтилиан – как *словесную фигуру* – одну из фигур речи [3, с. 217, 225; 1, с. 87, 128, 276].

Сторонники третьей точки зрения, согласно которой сравнение как признак выходило далеко за рамки именного класса слов, также были преимущественно авторами педагогических грамматик. Общий механизм формообразовательных моделей, компонентом которых выступали наречия интенсивности, а также стремление гуманистов выявлять ассоциативные связи между различными формами привели к тому, что в парадигму сравнения имени оказались включенными не только формы степеней сравнения наречий, но и сложные формы предлогов (*plus près, moins près, si près, etc.*). Именно так представлена парадигма сравнения в работах Ж. Пилло, Ж. Гарнье, Ж. Массе.

Известно, что в XVI в. французский узус отличался многообразием средств выражения грамматического значения категории степеней сравнения, что получило свое отражение в неоднозначной трактовке форм и повлекло за собой переосмысление акциденции сравнения, а вместе с тем и изменение таких констант грамматического знания, как «слово» и «конструкция».

Согласно требованиям канона, французские авторы выделяли в акциденции сравнения три степени: *положительную, сравнительную и превосходную* (*grades positif, comparatif, superlatif*).

О *положительной степени* упоминалось, как правило, лишь для того, чтобы объяснить механизм образования форм компаратива и суперлатива. Эта степень, трактовавшаяся как исходная, выступала в функции вспомогательного элемента при построении парадигмы сравнения, основное место в которой отводилось производным степеням.

В грамматиках XVI в. *компаратив* получил более детальное и менее противоречивое, чем *суперлатив*, освещение. Его описание, как правило, начинается с уточнения

значения термина «comparatio», который в большинстве работ рассматривается как «увеличение или уменьшение признака».

В качестве основного средства выражения этого значения в работах XVI в. приводятся сочетания прилагательных с наречиями plus, moins, которые получают наименование «частиц» (particula, particules), что говорит об осознании гуманистами отличия между понятиями «слово» и «конструкция».

Наблюдения за спецификой описания форм компаратива в работах XVI в. показывают, что в них речь идет преимущественно о наречии plus, в то время как наречие moins (носитель значения «уменьшения признака») упоминается сравнительно небольшим числом авторов (Л. Мегре, Р. Этьен, П. де ла Раме, Ж. Массе). Объяснением этому может служить анализ ренессансных текстов, показывающий малоупотребительность компаративов с наречием moins в то время, что определялось эстетическими идеалами эпохи и спецификой литературной традиции, в которых сравнение ассоциировалось преимущественно (если не сказать исключительно) с высокой степенью качества признака. Именно поэтому грамматизованные формы компаратива с наречием moins, занимавшие периферийное положение в речи, оказались кодифицированными далеко не всеми авторами XVI в.

Наблюдения за спецификой осмысления компаратива в эпоху Возрождения показывают еще одну закономерность, которая выражается в том, что за рамками грамматического описания оказался союз que как один из атрибутов грамматизованной формы компаратива, без которого не обходится ни одно современное описание категории сравнения французских прилагательных. Формированию столь своеобразного видения компаратива французскими гуманистами способствовали прежде всего принципы анализа, составлявшие основу раздела этимологии в системе грамматического знания, т. е. рассмотрение вопросов словообразования и словоизменения частей речи. При этом, согласно требованиям классического канона, ядро грамматического анализа должны были составлять цельнооформленные единицы. Все, что так или иначе выходило за рамки поня-

тия «слова» и подпадало под понятие «конструкции», становилось объектом уже иной области анализа и рассматривалось в разделе синтаксиса. Этим принципом руководствовался, в частности, Рамус, поместивший все аналитические формы степеней сравнения в раздел синтаксиса своей французской грамматики. С другой стороны, союз que как один из элементов сравнительной конструкции не получил в первых французских грамматиках должного освещения и в силу неустойчивости нормы в употреблении форм компаратива. По нашим наблюдениям, узус XVI в. был представлен двумя моделями: бессоюзными формами компаратива и формами с союзами que / comme, выступавшими как варианты на уровне нормы [2, с. 137].

Флективные и супплетивные формы компаратива, составлявшие неотъемлемую часть узуса, определялись в ренессансной традиции как латинские заимствования и рассматривались чаще всего как неправильные или нерегулярные (hétéroclites, irréguliers). Такому пониманию этих форм способствовало прежде всего то, что они занимали довольно скромное место в системе формообразовательных моделей французского сравнения, поскольку их употребление было связано лишь с ограниченным количеством высокочастотных прилагательных (grand, petit, bon, mauvais). Кроме того, трактовка таких форм, как нерегулярных, была связана и с неустойчивостью нормы их употребления. Анализ письменных памятников XVI в. показывает, что в речи наряду с этимологическими формами, пришедшими во французский язык из латыни (moindre, pire), широко использовались и французские аналитические новообразования (plus mauvais, plus petit, etc.) [2, с. 140–142].

Описание *суперлатива* грамматисты начинали с уточнения его значения, которое принято было соотносить с наивысшей степенью совершенства признака. В частности, Л. Мегре пишет: «Суперлатив обозначает наивысшую степень положительного значения, без сравнения с чем-либо» [14, р. 31].

В качестве средств выражения грамматического значения суперлатива гуманисты приводили в основном грамматизованные формы с наречием très и флективные формы,

образованные с помощью суффикса *-issime*. Как видим, значение суперлатива ассоциировалось в лингвистическом сознании эпохи с формами абсолютной превосходной степени, или элатива, в то время как формы относительной превосходной степени трактовались как компаративы.

Анализ грамматик XVI в. показывает, что основным способом образования форм французского суперлатива гуманисты считали конструкцию с наречием *très*, присоединяемым к положительной степени прилагательного. И хотя П. де ла Раме дал этому типу название «абсолютного и простого суперлатива» (*superlatif absolu et simple* [16, p. 148]), в терминосистеме ренессансной традиции он продолжал выступать просто как суперлатив. Этот факт отражает, с одной стороны, разную интерпретацию гуманистами форм и значений французского имени, основанную на разных подходах к грамматическому анализу, а с другой стороны – стремление их к глобальным обобщениям в грамматическом описании, позволявшим сохранять принципы простоты и доступности, отвечавшие требованиям ренессансной методологии.

В подавляющем большинстве французских грамматик модель «наречие *très* + прилагательное» выведена в качестве основной в системе французских суперлативов. Между тем исследование текстов XVI в. показывает, что наряду с наречием *très* в речи широко использовались и другие наречия интенсивности: *trop*, *fort*, *bien*, *moult*, *tout*, etc. [10, p. 55–57; 2, с. 149–150]. Таким образом, возникает расхождение между узусом и его отражением в грамматиках. Однако мы далеки от того, чтобы видеть в этом ограниченность воззрений гуманистов на язык. Своеобразие трактовки ими таких форм суперлативов имеет под собой определенные основания.

Во-первых, степень грамматизации наречий интенсивности в XVI в. была различной: тогда как для формы *très* этот процесс полностью завершился, у других наречий он находился еще в стадии становления. Об этом говорят и данные орфографических норм, согласно которым формы с наречием *très* отражают по преимуществу слитное на-

писание, чего не наблюдается в отношении к другим наречиям в той же функции.

Во-вторых, квантитативный анализ показывает, что на долю наречия *très* в XVI в. приходилось до 40% общего числа употреблений, т. е. абсолютное большинство узусальных форм. Отметим для сравнения, что формы суперлативов с наречием *trop* составляли в то время около 22% общего числа употреблений, с наречием *tout* – около 15%, далее следуют *bien*, *fort*, составлявшие около 9% и 5% соответственно [2, с. 149]. Таким образом, в сферу грамматического описания в XVI в. попадали действительно наиболее типичные случаи французского узуса, образуя центр аксиологической нормы.

Другим широко распространенным способом образования суперлатива французские грамматисты называли словообразовательную модель с суффиксом *-issime*, в которой одни видели латинское заимствование (Ж. Дюбуа, Л. Мегре, П. де ла Раме), другие – италиянизм (Ж. Пилло, А. Коши, Ж. Боске).

Анализ грамматик показывает, что указанная модель суперлатива нашла отражение далеко не у всех авторов эпохи. Так, в подавляющем большинстве педагогических грамматик в отношении форм *-issime* используется «фигура умолчания». Исключением является лишь работа Ж. Боске, где отмечается, что такие формы во французском языке есть [4, p. 44].

Таким образом, соотношение между аналитической и флективной моделями суперлатива получило в традиции французского Возрождения разную степень освящения. Интересна в этой связи концепция, представленная в работах Ж. Пилло и А. Коши, согласно которой обе модели рассматривались как эквивалентные не только по значению, но и по степени распространения их в речи, что находит подтверждение в следующих синонимических рядах: *tresdocte* – *doctissime*, *tresçavant* – *çavantissime*, *tresbon* – *bonissime* [16, p. 53; 6, p. 73]. В результате такого подхода формы суперлатива на *-issime* предстают в этих работах как один из типичных для французского узуса способов формообразования, в то время как в действительности их употребление было связано с довольно ограниченным числом прилагательных. Как ви-

дим, узус получил в данном случае не вполне адекватное отражение. Широкое употребление суперлативов на *-issime* в XVI в. было связано не столько с высокой продуктивностью самой модели, сколько с высокой частотностью прилагательных, способных к образованию такой формы.

Самым значимым проявлением специфики описания категории сравнения в грамматиках XVI в. является смещение смысловых доминант в описании компаратива и суперлатива: значение последнего прочно закрепилось за формами абсолютной превосходной степени, в то время как формы относительной превосходной степени трактовались как компаративы. Смещение *внутренней границы* акциденции сравнения в работах XVI в. связано с ведущей ролью принципа аналогии в построении парадигм французского имени и отсутствием жестких норм в употреблении форм относительной превосходной степени.

Колебания нормы в системе относительного суперлатива проявились в сосуществовании форм с артиклем и без него. В XVI в. артикулированные формы составляли абсолютное большинство употреблений (свыше 66%) [2, с. 148]. Однако сохранение в речи форм суперлатива с нулевым артиклем, сближая их с формами компаратива, давало кодификаторам основание для включения их в парадигму аналогических образований, строившихся по модели компаратива (наречие интенсивности + прилагательное), куда, вновь в силу аналогии, попадали и формы относительной превосходной степени с артиклем или детерминативом с указательным или посессивным значением.

В числе возможных причин, обусловив-

ших особый тип кристаллизации идеи сравнения во французской традиции XVI в., могут быть названы и другие. Это, во-первых, более низкий уровень грамматизации артикля по сравнению с наречиями интенсивности, во-вторых, стремление гуманистов к рассмотрению в разделе этимологии аналогов латинским цельноформленным единицам, подпадавшим под определение «слова», а не «конструкции», в-третьих, использование словообразовательной модели аналитического компаратива в качестве строительного материала для форм относительного суперлатива. То, что в основе значения относительного суперлатива лежит идея сравнения, также могло служить французским кодификаторам XVI в. основанием для того, чтобы трактовать их как компаративы и в связи с этим утверждать, как это сделал Ж. Пилло, что французский узус, в отличие от латинского, гораздо чаще прибегает к сравнительной степени, чем к превосходной [15, р. 53].

Итак, описание акциденции сравнения в первых французских грамматиках отражает многообразие подходов к классификации и категоризации явлений французского узуса лингвистическим сознанием эпохи Возрождения. Множество точек зрения, получивших свое отражение в работах XVI в., связано с осмыслением гуманистами аналитической природы слова во французском языке и динамической природой категории степеней сравнения. Специфической чертой архитектоники акциденции сравнения является подвижный характер ее внешних и внутренних границ, приведший к смещению между частеречным и категориальным уровнями в грамматическом описании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Античные теории языка и стиля. СПб.: Алетейя, 1996. 363 с.
2. Михайлова Е. Н. Становление нормы в употреблении форм французского прилагательного (на материале среднефранцузского периода): дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990. 208 с.
3. Оленич Р. М. Александрийская грамматическая школа // История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука, 1980. С. 214–233.
4. *Bosquet Jean*. *Elemens et Institutions de la langue française*. Mons, Chez Charles Michel, 1586. 137 p.
5. Cauchie Antoine (Caucius Antonius). *Grammatica Gallica*. Parisiis, 1570. 230 p.
6. Dubois Jacques (Sylvius Jacobus Ambianus). In *linguam Gallicam Isagoge, una cum eiusdem Grammatica Latino-Gallica ex Hebraecis, Graecis et Latinis scriptoribus*. Parisiis, apud R. Stephanus, 1531. 131 p.

7. Estiennr Henri. Hypomneses de Gallica lingua. Genvae, apud H. Stephanus 1572. 215 p.
8. Estienne Robert. Traicté de la Grâmaire Francoise. Paris, chez R. Estienne, 1556. 128 p.
9. Garnier Jean. Institutio Galicae linguae. Genvae, Budé's Lexicon, 1554. 111 p.
10. *Gougenheim G.* Grammaire de la langue française au XVI-e siècle. P.: Picard, 1974. 278 p.
11. Grammatici Latini. Lipsiae, 1855. Vol. II.
12. *Holtz L.* Donat et la tradition de l'enseignement grammatical. Paris : Ed. SNRS, 1981. 750 p.
13. *Masset Jean.* Exact et Tres-facile Acheminement a la Langve Française (1606). Paris, chez D. Dovcevr, 1625. 32 p.
14. *Meigret Louis.* Le treттé de la grammère françoëze. Paris, 1550. / Ed. établie par F.-J.Hausmann. Tübingen: Narr, 1980. 172 p.
15. *Pillot Jean.* Gallicae linguae Institutio Latino sermone conscripta. Parisiis, apud Stephanus Groulotus, 1550. 268 p.
16. *Ramus Petrus.* Grammaire (1572). Paris, chez D. du Val, 1587. 232 p.

SPISOK LITERATURY

1. Antichnye teorii yazyka i stilya. SPb.: Aleteiya, 1996. 363 s.
2. *Mikhaylova E. N.* Stanovleniye normy v upotreblenii form frantsuzskogo prilagatel'nogo (na materiale srednefrantsuzskogo perioda): diss. ... kand. filol. nauk. L., 1990. 208 s.
3. *Olenich R. M.* Aleksandriyskaya grammaticheskaya shkola // Istoriya lingvisticheskikh ucheniy. Drevniy mir. L.: Nauka, 1980. S. 214–233.
4. *Bosquet Jean.* Elemens et Institutions de la langue française. Mons, Chez Charles Michel, 1586. 137 p.
5. *Cauchie Antoine (Caucius Antonius).* Grammatica Gallica. Parisiis, 1570. 230 p.
6. *Dubois Jacques (Sylvius Jacobus Ambianus).* In linguam Gallicam Isagoge, una cum eiusdem Grammatica Latino-Gallica ex Hebraecis, Graecis et Latinis scriptoribus. Parisiis, apud R. Stephanus, 1531. 131 p.
7. *Estiennr Henri.* Hypomneses de Gallica lingua. Genvae, apud H. Stephanus 1572. 215 p.
8. *Estienne Robert.* Traicté de la Grâmaire Francoise. Paris, chez R.Estienne, 1556. 128 p.
9. *Garnier Jean.* Institutio Galicae linguae. Genvae, Budé's Lexicon, 1554. 111 p.
10. *Gougenheim G.* Grammaire de la langue française au XVI-e siècle. P.: Picard, 1974. 278 p.
11. Grammatici Latini. Lipsiae, 1855. Vol. II.
12. *Holtz L.* Donat et la tradition de l'enseignement grammatical. Paris : Ed. SNRS, 1981. 750 p.
13. *Masset Jean.* Exact et Tres-facile Acheminement a la Langve Française (1606). Paris, chez D. Dovcevr, 1625. 32 p.
14. *Meigret Louis.* Le treттé de la grammère françoëze. Paris, 1550. / Ed. établie par F.-J.Hausmann. Tübingen: Narr, 1980. 172 p.
15. *Pillot Jean.* Gallicae linguae Institutio Latino sermone conscripta. Parisiis, apud Stephanus Groulotus, 1550. 268 p.
16. *Ramus Petrus.* Grammaire (1572). Paris, chez D. du Val, 1587. 232 p.